

# Алексей Феофилактович Писемский. Старая барыня

Рассказ

-----  
Книга: А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 2  
Издательство "Правда" биб-ка "Огонек", Москва, 1959  
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 19 июля 2002 года  
-----

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

В селе В.....е была последняя станция, на которую приехал я в родные пределы свои на почтовых, и потому велел себя везти на постоянный двор. Его держала знакомая старуха, по прозванию Грачиха и вор-баба, как обыкновенно прибавляли знающие ее - и бари и мужики: небольшого роста, с лицом багровым, как из красной меди, толстая, но еще проворная, услужливая, говорунья без умолку, особенно когда навеселе, а навеселе почти целый день с утра до полуночи. Подъехал я ночью, пересяб, как водится, до костей. Ощупью вошел по знакомой лесенке и отворил калитку в сени. В полумраке мерцала тоненькая сальная свечка в железном подсвечнике, воткнутом в столб, да из длинной трубы самовара вырывалось пламя от зажженной лучины; смутно видневшаяся лошадиная морда старательно грызла перилы, отделяющие сени от двора. Из открытых дверей избы валил пар клубами.

- Хозяйка, старый хрен, господа приехали! - крикнул я.

- Ай, батюшки! Господа и есть, - слышался голос старухи, а затем она и сама появилась.

- В горницу пожалуйста, сударики, сюда, сюда, господа честные! - говорила она.

Я вошел. Сильно нагретым и удушливым воздухом так и обдало меня.

- Старая, у тебя угарно! - сказал я.

- Нет, сударик, нету, с утра еще топлено, - отвечала старуха, а сама, впрочем, засунула жирную руку в отдушину и вытаскивала оттуда вьюшки.

Я между тем раздевался.

- Батюшки! - воскликнула старуха, всплеснув руками. - На-ка, барин-то знакомый, а я, старая дура, и не признала, на-ка! Откуда изволишь ехать?

- Из Питера.

- Ну, вот откуда. Не узнала я, не узнала, раздобрел больно, какой дюжий стал. Иван Петрович, сударь, недавно проезжали.

- Какой Иван Петрович? - спросил я.

- Иван Петрович Сорокин, чтой-то, словно не знаешь, благоприятели, чай? Никакого Ивана Петровича Сорокина и во сне не видывал, но, догадываясь, что старуха хочет что-нибудь рассказать про Ивана Петровича, притворился.

- А что же? - спросил.

Старуха только махнула рукой.

- Ой, не говори уж лучше, такая у них этта пановщина была с барыней-то, что хоть до нехорошего... Мирила, мирила их, да и полно!

- Повздорили! - заметил я.

- Шибко, - отвечала старуха, - в грошовом калаче дело вышло, барин-то скупенек; сам вон кузовья покупает, чтоб хошь копейку какую выторговать; ну и принес с базара грошовый калач, да и потчует барыню, а той не нравится, из того и пошло: "Ты, говорит, мне все делаешь напротив", а та стала корить: "Ты, говорит, душенька, меня только мякиной и кормишь", ну и почали, согрешила я, грешная, с ними.

- И что же? - спросил я.

- Ничего, побранились, - отвечала старуха; и потом, вдруг переменяв насмешливое выражение на грустное, произнесла печальным голосом: - Тетенька-то твоя, батюшка, Марья Николавна, померла.

- Какая тетенька Марья Николавна? - спросил я.

- Ой, да Ометкина-то, чтой-то в Питере-то всех перезабыл.

- Ну, баушка, провралась, такой тетки у меня не бывало, - проговорил я.

- На, аль взаправду это не тебе тетка-то? Так, так, так!.. Николаю Егорычу Бекасову, вот ведь чья она тетка-то, - вывернулась старуха. - Похороны, сударь, были богатеющие, совершали, как должно, не жалеючи денег.